

ЦЕННОСТЬ И ИСТИНА

А.А. Воронин

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.6449

УСЛОВИЯ ВЫБОРА И ВЫБОР УСЛОВИЙ

Аннотация. Ставится под сомнение возможность общей теории поведения человека и предпринимается попытка очертить зону его корректного анализа. Проблема выбора рассматривается как исторически конкретное единство внешних условий и внутренних мотивов поступков. Сознательный выбор — не рациональный выбор, так как сознание не тождественно разуму. Предметом анализа в статье является организация сознания в массовой культуре и его связь с социокультурным контекстом. Классическая дилемма рационального (Кант) и фидеистического (Киркегор) обоснования морального выбора не работает в современной ситуации. Различие рациональности и резонанса трактуется как глубокий социокультурный сдвиг, определивший изменения в общественном сознании, наряду с такими факторами, как ускоренная изменчивость и ценностная переориентация общества. Разрабатывается понятие «идентификационной матрицы» как «клеточки» самосознания *homo demotus*, и аппарат, позволяющий описывать реальные коллизии человека перед проблемой выбора.

Ключевые слова: выбор, контекст, мотив, рациональность, резонанс, ценности, самосознание, идентичность, идентификационная матрица, массовое общество.

1. Вопросы, на которые я пытаюсь отвечать — о возможных связях контекста выбора и его мотиваций. О социальной обусловленности индивидуального — сознания, поведения, и того, что ими управляет — сознательного выбора. Хотя понятно, что от общих постановок вопросов и проблем надо стремиться по возможности отказываться в пользу уточненных, конкретизированных положений. Трудность проблемы выбора — в том, что это «штучный товар», каждый раз особый и неповторимый для каждого конкретного человека. А, с другой стороны, выбор — это обязательный компонент жизни каждого конкретного человека. Можно ли, и как именно коня теории впрячь в телегу познания вместе с трепетной ланью индивидуального опыта? Особенно если речь заходит о сознательном выборе — человек может вполне осознанно и безошибочно вести себя в какой-то ситуации, но сама ситуация может быть предельно бессмысленной — например, война панов, когда у казаков чубы трещат... Каждый казак, или самурай, или рыцарь — сражаются умело и в этом смысле рационально, но их схватка — полный абсурд с точки зрения не ситуативного разума. И еще.

В ситуации выбора соперничают разум и эмоции. Если по привычке приписать истину сфере разума, а эмоциям — неопределенность, то умножение разума на эмоции, или что то же самое, истины на неопределенность, дает в итоге неопределенность.

Вот некоторые конкретизации мне и хочется предложить. Теория поведения невозможна именно из-за свободы (произвола) выбора. Но компоненты сознательного поведения могут быть рассмотрены абстрактно. Факты — ментальные, наблюдение — несистематическое, выводы — предположительные...

2. Сама тема — «сознательный выбор» — размещает разговор в плоскости сознания. Мышление и сознание — оговорюсь, что исхожу из совершенно другого видения проблемы «тело — мысль» по сравнению с аналитическими эпистемологами. Они полагают, что сознание человека приоткрывается нейрофизиологическими исследованиями — где в коре или других отделах мозга производятся те или иные феномены сознания — такие, как память, речь, эмоции, логика, вообра-

**Тезисы к выступлению на научной конференции
«Ситуация выбора человека в современном трансформирующемся обществе»
(М.: Институт философии РАН, 14-15 мая 2013 г.).**

жение и т.д. При таком понимании мышление и сознание не различаются, в значительной степени по инерции с английским словоупотреблением. Но ведь сознание и мышление — разные понятия. Рассмотрим пример, позволяющий мне просветлить мою позицию. Пример из истории литературы. А.С. Грибоедов, будучи человеком, да вдобавок еще и писателем, поэтом, при помощи своего мозга, в котором происходили всевозможные нейрофизиологические эволюции, создал образы — Фамусова, Молчалина, Скалозуба, Чацкого, у которых не было и нет никакого мозга и никаких нейрофизиологических эволюций. В его сознании (имеющем природные основания) возникли образцы сознания, широко распространенные в обществе, и образцы именно сознания. Барин Фамусов, солдафон Скалозуб, блюдолиз Молчалин... Допустим, что они ожили. При одинаковом устройстве природных основ мышления (и своего, и своего автора — писателя Грибоедова) — они совершенно разные люди, носители разных типов сознания. Любой литературный герой, любой поэтический, драматургический, живописный, музыкальный артефакт — как факт сознания — стремится как можно дальше оторваться от своего природного происхождения, и подняться как можно ближе к общечеловеческому, всеобщезначимому содержанию культуры. Просто говоря, сознание — это итог мышления, и зависит он от всего на свете, но в самую последнюю очередь от того, как происходит генерирование мозгом процесса мышления. Мышление связано с деятельностью мозга — да, разумеется. Но сознание (или самосознание, напомним, что Ф.Т. Михалов считал сознание эпифеноменом самосознания¹) человека — это величина, производная от культуры, биографии, «средовых факторов», которые никакие не факторы, а материал, средство и результат активной жизни человека в обществе себе подобных. «Сознание», его фрагменты и проявления вполне могут быть записаны в символической форме, и стало быть, существовать вне нейрофизиологической почвы. Это то, что человек думает о себе самом, о своих близких и дальних. Кем он, в отличие от других людей, предстает как индивидуальная личность. Это также то, что он пишет в письме, говорит, воспринимает в коммуникациях и т.д. Это я к тому, что сознательный выбор человека — предмет сугубо гума-

нитарного интереса. Это во-первых. А во-вторых, если постулировать различие между мышлением и сознанием как предметов анализа, важно разобраться, что собой представляет сознание, из каких состоит частей и как они связываются. Здесь очень мало установленных вещей, бесспорных открытий, твердых правил.

Контекст — потому что вне контекста проблема выбора превращается в инженерную проблему. Вообще теория конкретного человеческого выбора невозможна. Если что-то и поддается тематизации, абстрагированию и классификации, так это обстоятельства, которые выбор сопровождают и из которых частично он состоит. Это особый разговор — какой именно контекст существен для темы разговора. Исторический — да. Этнический, сословный, возрастной, гендерный — и т.д. как их упорядочить, как их расположить по степени влияния? Тут опять полный произвол, и в то же время — площадка интуитивного дискурса.

Предметом моих рассуждений будут индивидуальные формы сознания, или можно сказать — массового сознания, в данном случае можно пренебречь точностью определения. При этом я не берусь дать строгий отчет о методологии этих рассуждений — это скорее импровизация с вариациями.

3. *Рациональность и резонанс — смена эпох.* Божественный, а потом и естественный свет разума был призван вести человека через житейские бури (взамен веры, потерявшей кредит в Новое время). Рациональный выбор в силах сделать только рациональный человек (или рационально устроенный социальный институт). Иными словами, бытие было в какой-то степени подвластно рационально принятым решениям, от человека зависели и обстоятельства, и их осмысление, и свои решения, и их воплощения. Это была героическая эпоха раннего капитализма, протестантизма, индустриализации, освоения новых земель, возникновения демократических стран и институтов. В прошлом веке — прежде всего, из-за двух мировых и множества локальных войн, стало понятно, что рационализм больше не работает, или что он выродился в арифметику, подсчитывающую балансы выгод и человеческих жертв. Парадоксально, но факт: самое убедительное рационально построенное — как общественно-историческая теория — учение Маркса (и Энгельса, и Ленина) — обернулось кошмаром и проклятием для миллионов людей. В основе этого учения лежал

¹ См.: Философия, психология и педагогика Ф.Т. Михайлова / сост., предисл. Л.К. Арсенкина, А.А. Воронин, А.Ф. Михайлова. М.: Индрик, 2009. (Раздел «Психология»).

простой вывод — чтобы покончить с насилием, отчуждением, эксплуатацией, надо их ... упразднить. Найти решающее звено, и на него нажать. Это посылка ранней статьи Маркса «К еврейскому вопросу». Вот это упразднение и стало могилой рациональности. Рациональное перестало быть компасом, и стало приспособливаться к особенностям ландшафтов бытия. Оно стало «короч», в нем не обнаруживались конечные основания и незыблемые правила. Вместо рационального выбора стратегии жизни стало удобнее пользоваться огрызками рациональности — резонами, позволяющими ограничиться тактическими решениями и поступками. Стратегия все равно нам не подвластна — мы только что отстроили дом, «вложились» до копейки, нарожали ребятишек, а тут война, а тут революция, раскулачивание, а потом — ГУЛАГ, а тут еще какая-нибудь напасть.

Ну, например, отечественные обстоятельства. Как из чертова рога на Россию посыпались с самого начала прошлого века катастрофы — японская война, революция 1905 года — это два предвестника, а потом — по полной программе — мировая война, вторая и третья революции, диктатура пролетариата и социально близких слоев, гражданская война — самый тяжелый удар по национально-культурной идентичности, интервенция, победное и кровавое шествие советской власти по окраинам, потом, без передышки, сталинщина, голодомор, колхозы, ГУЛАГ, вторая мировая война, — кто это выдержит? Каждая — национальная катастрофа. А затем — строительство социализма по рецептуре Хрущева, Брежнева, Черненко, Андропова. И наконец, Ельцин. Это уже просто последний гвоздь в гроб многострадального народа, страны, наций. Лаг нашего будущего сократился на расстояние вытянутой руки — наощупь еще можно как-то уверенно двигаться, а за поворотом — неизвестность. Задача оправдать мое послушное движение в стае стала важнее, чем обоснование своего собственного пути в жизни. На смену рационалисту приходит резонер — человек, приводящий резоны, — и он разрабатывает вполне приемлемые и очень хорошо проработанные техники компромиссов: с другими людьми, со своими душевными движениями, с моральными и правовыми нормами и т.д. И требования к индивиду, к его качествам и поведению, тоже меняются. Человек спрыгнул с постаментов на грешную землю, в окопчик — это просто способ его адаптации, или выживания. Не судите его. Выживает плоский как клоп — сапог господина его не раздавит. Вот он и выжил.

«Времена не выбирают — в них живут и умирают». Красиво сказано, с рифмой и ритмом. Ради чего сказано — ради красоты или ради истины? В любом времени человек выбирает себя, свой путь в жизни, и поэтому одни — воры, другие — порядочные люди, одни конформисты, другие — с достоинством и самосознанием... Живут-то живут, вопрос в том, — как? Подчиниться общему вихрю жизни — или выбрать свой маршрут, — вот вам и ситуация выбора. Иными словами, нет общей формулы — выбирает человек или покоряется судьбе. Кто-то так, а кто-то эдак. Нет здесь теоретических ответов, если этот выбор — индивидуальное дело. Ответы брезжат там, где ставится вопрос — а есть ли у человека возможность, условия, силы для выбора. Откуда они берутся?

4. Ситуация выбора — принятие или избегание.

И. Кант² и С. Кьеркегор³ — два полюса проблемы выбора: рациональный выбор и приказ свыше. Какой тут выбор — в религии нет морали, а есть приказ, страх наказания и иррациональная стайность. Обоснование морали через авторитет создателя, учителя или пророка начисто выметают моральный выбор из индивидуального сознания, из самосознания, просто делают их неполноценными. Поэтому последовательный гуманизм может быть только светским. (Хотя мораль нельзя понять как рациональную систему норм и оценок, ее нельзя понять и как неререфлективную веру в сверхъестественный авторитет.) Однако безукоризненно обоснованный моральный ригоризм, подчеркнем — рационально обоснованный, вовсе не гарантия его общезначимости.

Экстремальные условия — война, природная катастрофа, скандал, драма — и однозначные предписания выбора: герой, жертва, солдат, — врагу не сдается наш гордый Варяг, выбора нет, пощады никто не желает. Если человек включился в ситуацию, пошел на фронт добровольцем, то дальше у него нет выбора, а есть командир, Устав, долг и приказ. И, наоборот, рутинные условия — конформизм, утилитаризм, «стратегии благополучного выживания». Лишь бы не было войны... Обычно люди избегают ситуации выбора, вырабатывают

² Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1995. Главные труды: «Основоположение метафизики нравов» (1785), «Критика практического разума» (1788), «Метафизика нравов» (1797).

³ Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. с дат. М.: Республика, 1993. 383 с.

уклады, образы жизни, в которых алгоритмы поведения важнее рациональных процедур выбора, рефлексии... Выбор и шлейфы последствий... вот человек и живет в шлейфе последствий, где-то на развилке выбрав свою тропу... По мнению некоторых историков и экономистов, для нашей страны характерно так называемое мобилизационное устройство. Как снег на голову обычному человеку, обывателю, сыпятся все новые и новые инициативы. Вроде революций, каналов, трудармий, целины, БАМа и т.п. Такая социальная качка мешает закрепиться за что-то твердое, незыблемое, вроде морального закона. Поэтому возникают люфты как условия самоидентификации человека.

5. *Стабильное общество и устойчивость характера.* Структура общества и структура ожиданий. Понятно, что (в истории, а мы живем в истории) нет полного покоя в обществе, нет его и в линиях судеб. Но относительные состояния покоя и динамики не только есть, но и сильно различаются. Если я должен вести себя так, как завещали нам наши деды, — это один тип жизни, и один тип личности. А если тот, кто на десяток лет постарше меня, уже безнадежно отстал от постоянно ускоряющегося темпа прогресса, и я должен сам за себя (и за него, уже я его ташу вперед, а не он меня) выбирать стилистику поведения — это совсем другой расклад, другое общество и другой человек в нем живет. Динамичное общество и другой тип устойчивости — грани стираются, смягчает ригоризм, внутренняя мобилизация упрощается. Традиционная культура уступает и безо всяких катаклизмов культуре инновационной, так что же говорить о драматической истории нашей отечественной культуры, сначала зажатой стагнационной парадигмой самодержавия, потом загнанной социальным экспериментализмом, вроде той самой «клячи истории». «Социалистическое» общество оказалось заложником идеи социализма — первой и, как оказалось, последней фазы коммунизма, — в которую было слишком много инвестировано, чтобы не бояться ее испортить. Сохранить «завоевания социализма» — это единственное, что с ним можно было вообще делать, отсюда и «застой». Хребет народной культуры был сломан в XX в. — возрождается он как горб (Горбачев тут не при чем), как фарс, как пародия, как Путин и РПЦ. Практически весь XX в. — с самого начала — был веком ошибочных политических решений, роковых для общества. Не будем их перечислять — это уже много раз сделали профессиональные

историки. Но устойчивой была еще одна общая губительная тенденция — антиинтеллектуализм власти, неумелое управление и падение общего уровня культуры — как говорят журналисты, дебилизация страны. Мало того, что власть преследовала свои корпоративные интересы, не считаясь с таким расходным материалом, как люди и народы, но и делала она это бездарно и безграмотно. Сто с лишним лет! Три — четыре поколения людей видят немочь и нежелание власти правильно думать и правильно действовать. И мало что могут сделать. Естественно, что пропасть между этими субъектами все глубже и глубже. И уже созданы механизмы, воспроизводящие именно эту ситуацию — без права, без выборности, без муниципальной самостоятельности, без ответственности и без публичной репутации. В частности, потому, что «лифтинг» не тот, наверх не поднимается все лучшее, а всплывает все, что легче воды. Но за этими апофатическими определениями стоят вполне конкретные предикаты. Все их себе представляют, не буду повторять. Новое социально-историческое образование — РФ — это социум без своего лица. То есть лиц много, а общей историко-культурной, национальной физиономии — нет (это в лучшем случае, репутация у «русских» за границей давно сложилась, ее просто обидно воспроизводить. Да и стыдно.) Не случайно власти лихорадочно ищут национальную идею, одухотворившую бы вне западного культурного поля наши родные идеологические ландшафты. Она, физиономия эта, все время формируется и все время ломается: формируется спонтанно, а ломается по произволу «управляющего контура». Потому и не идет дело с национально-государственной идеологией — западническому типу общества не годится архаический евразийский костюмчик. Налил виски — снимай тибетейку.

6. *Пороки и добродетели — переосмысление или перестановка с места на место.* Переосмысление — плод эволюции, постепенности, связности социальных изменений и их интеллектуальных освоений. Перестановка — плод скачки «клячи истории», загнанной утопическими понуканиями, рывками, со сменой аллюров, когда некогда отрефлексировать ни цели, ни дороги, ни сил. Вяжемся в бой, а там — посмотрим — стратегия большевизма. Поэтому та же самая ситуация, которая привела к торжеству «марксизма» — слабая интеллектуальная оппозиция утопической доктрине в начале века — повторяется

постоянно — как слабая экспертиза социальной практики. В ситуации неразберихи, отсутствия надежных механизмов социальной рефлексии, ценностно-нормативные регулятивы выходят из строя. Вместо параллельного движения бытия и сознания выходит разбалансированная дерготня того и другого. В итоге получается картинка, мало кому симпатичная.

Наверху — идеал красивой гламурной жизни, неважно каким путем добытой. Деньги — высшая доблесть человека, оправдание всех и всяческих стремлений и поступков. Вообще вопрос «как ты этого добился?» — неприличный вопрос. Соображения добропорядочности, да что там, просто добра — вычеркнуты из списка. Триада «добро — истина — красота» стала предметом издевок «современного передового искусства», достаточно напомнить шедевры молодого пройдохи (имени фамилии даже вспоминать не хочу), продававшего свои экскременты в консервированных баночках — в качестве шедевра перформативного искусства. (В скобках замечу, что мы имеем дело со своего рода «синтезом» высокого и низкого в культуре, что оптимистами может рассматриваться как шаг в сторону демократизации культуры в целом, вышедшей свои разделительные границы изнутри, а пессимистами — как очередной шаг к гибели культуры.)

Абсолютная ценность человеческой жизни — это что-то из учебника по истории философии. Все современные герои — убийцы. Герои как виртуальные, так и реальные. Круто — это уважаемо. Тюремная шкала ценностей доминирует в «культуре» (если кино, книги и эстраду все еще считать культурой) и в обиходе.

Справедливость — теперь это самосуд, по закону гор, по закону зоны, по закону сословного общества. Недавно стало ясно, что российское правосудие — божественной, точнее говоря — православной природы. Карает богохульников, милует смиренных грешников, дарует блага земные скромным служащим культа. Ничем не лучше судов шариата, обычаев побивать камнями неверных.

Уникальность и неповторимость личности — глупая химера, вместо нее футбольные фанаты или вероподданические бюрократы. При любой погоде — начальство знает, что делать, меня не спрашивают.

Достоинство, честь (в том числе мундира, депутата, врача, учителя, полиция...) — даже в школах детям о них не сообщается. Зачем? Ненужные вещи. Известность — пусть даже благодаря

пошлейшему ТВ и ловким пройдохам продюсерам поп-культуры — это превращение человека в «звезду». Звезду похабных шоу и безвкусных перформансов.

«Отложенное вознаграждение» — а что это? Чего ждать-то? Нет-нет-нет, мы хотим сегодня! Сейчас и теперь, и побольше! Трудовая этика давно уступила этике потребительской, что само по себе и неплохо — было бы, если бы не понималась так пошло. Освобождение человека от труда обернулось не раем благодати, а наказанием неприкаянности. Практически все усилия попкультуры направлены на то, как бы «поприкольнее оттянуться», на это уходят огромные ресурсы, на это ориентированы мощные институты «производства досуга», или «гламурного» убийства свободного времени.

Добротель родительства сменилась мифологией демографии. Ценность самореализации превратилась в ценность карьеры. Слово «интимное» значит теперь «сексшоп».

Вместо музыки — рэп, вместо живописи — граффити, вместо поэзии — шансон, вместо физкультуры — экстрим.

Вся эта суета, вся эта наркотически оживленная панорама говорит только об одном — утрате смысла бесконечных крысиных бегов. Об отсутствии желания его обрести, об отсутствии ощущения его потери. Прекрасных мгновений больше нет, время нет смысла останавливать. Вокруг света можно объехать в три D кинотеатре, эрзац путешествия ничуть не хуже настоящего. Достоверность кино просто ошеломляет — на фильме про убийцу убийца убивает зрителей.

Итак, любимое занятие «современной культуры» — выворачивание себя наизнанку, замена плюсов на минусы, красоты на уродство, добра на зло. Самые «авторитетные» (кино — самое нужное искусство, повторял В.И. Ленин) резервуары жизненных смыслов — сериалы, кино, Голливуд, ТВ, эстрада, книги — нацело и безраздельно посвящены злу. Изобретательно и художественно правдиво убивают, насилуют, грабят, избивают, обманывают. Каждый день по многу раз. Не говорю же о компьютерных играх — это сплошь вирусы для молодежного сознания, остается только удивляться, как дети ухитряются им противостоять. Не все, к несчастью. Вот вам контекст выбора.

7. *Упрощение души и усложнение среды* — есть ли связи? Прямые или обратные? Технологии жизни — то же, что техника в производстве — перепоручение «своего» — «чужому». Техника де-

лает за меня мою работу, главное — соблюдать правила. Рецептурность поведения — одна из сторон механизации личной жизни, передоверия своего внутреннего мира «специалистам», ясновидящим, ворожеям, колдунам, святым отцам и уж совсем не святым звездам попкультуры. Лишь бы избавить себя от выбора, лишь бы сделать так как все! Отслаивание от «Я» того, что рождается в душе, отторгает стержневые, ствольные качества личности. Стало быть, и культуры. Цельность характера, моральный ригоризм, кредо и убеждения — сменяются ловкостью использования ad hoc тактик поведения, гарантирующих успех в постоянно сменяющемся поле действия человека. Роли стали важнее стержня, на который они раньше нанизывались. Не требуется их согласования и подгонки.

8. Вернемся к теме

Как работает сознание, чем оно наполнено и как это наполнение выглядит в существенных своих фрагментах? Атомарной ячейкой души, личности, индивида стала уже упомянутая (когда-то на заседании отдела) матрица, можно сказать и кассета, и паттерн, или идентификационная оболочка, а точнее говоря — их несвязный, рыхлый, нерелексивный ком. Хотите — назовем их пазлами. Правила применения — нестрогие, необязательные, сиюминутные (нестабильные), и происходят они извне, а не изнутри, скорее всего — из массовой культуры. Массовая культура стала не только знаменем глобализации, но и основным содержанием сознания масс⁴. Массы культурны в том смысле, что сидят в интернете, рулят автомобилем, отдыхают в Турции и носят «фирму». Но эта культурность особого рода — она подражательна, не рефлективна, не гуманна и не исторична. Стадная мифология сладкой жизни заменила в ней революционный пафос классового сознания, националистический драйв освободительных движений, творческую одержимость и самоуглубленный поиск божественного душевного начала. Иными словами, идеальное содержание массового сознания представляет собой набор фиксированных идентификационных матриц, предлагаемых идеологическим менеджментом и легко схватываемых новым человеческим видом — массовидным индивидом Homo demos. Надо ли говорить, что изготовление этих матриц поставлено на поток и приносит барыши — как денежные, так и политические.

⁴ Грушин Б.А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.

Несмотря на их твердость, переход от одной кассеты к другой разрешен беспрепятственно. Нет никаких угрызений — ни совести, ни внутреннего комфорта цельности, ни достоинства постоянства — при мгновенной смене кассеты с одной на другую и обратно. Вот в чем дело: внутри личности культивируется безразличие к своей цельности, ответственности за свою особенную физиономию, пребывающую более или менее постоянно с течением времени. Скорее всего, это исторически взращенное качество усиливается сегодня рекламой как стилем репрезентации (и к ужасу — восприятия) ценностей — сегодня одно, завтра другое, но всегда нос по ветру и никаких субъективных ностальгических эмоций. Внутренний мир стал похож на внешний — одежду можно сменить, и ничего не случится, сегодня джинсы, завтра — фрак. Так же легко переодевается сознание — сегодня я таков, завтра — иной, а послезавтра — еще не знаю. Но никаких особых душевных коллизий при этом не наблюдается. Прикольно. Клево. Завтра будет не то же, что вчера. Вместе с внешностью — цвет волос, глаз, кожи, длиной и объемом модных частей тела, легко примериваются — ненадолго — вероисповедание, национальность, даже пол можно поменять в обе стороны. Выбор внешних аксессуаров прост, легок и практически не подвержен социальному контролю. То же самое и в сознании, или скажем мягче — в сознании отголоски контекста превращаются в контекст самосознания.

Теперь о кассетах, или матрицах: мне кажется интересным посмотреть на них как на кирпичики, из которых складывается ментальный мир человека, — если хотите — сознание, по крайней мере его каркас. Матрица — это набор ценностных предикатов и предписаний: поступай так-то и так-то, и тебе обеспечено членство в «нашем круту». Эти регулятивы — по сути компактные мотивационные системы и системы социального контроля, не подлежащие ревизии и даже простому анализу со стороны их адресата. Маркировка «хорошее» и «плохое» предписана без всяких предварительных вопросов — по существу, это апелляция к вере, а не к размышлению. Матрица как некое целое выводится за рамки возможной рефлексии и ценностной оценки, вокруг нее высится мысленнопробиваемый забор. Внутри этого забора вырабатываются правила игры, — в низкой культуре — простые, если не сказать — примитивные, в высокой — самые что ни на есть изощренные. Так или иначе, в ней зреют орудия защиты от посягательств извне. Матрицы регламентируют отношения со своей

средой, предписывая стандартные реакции на внешние импульсы, облегчая бездумное и безответное поведение на любой вызов извне. Поэтому в них есть специальные устройства, следящие за сохранностью каждой кассеты, поддерживающие ее целостность.

Они не атомарны, так как сложны по составу, окраске, интенсивности и т.д. (В этом их отличие от «культурных эталонов» А.А. Грицанова, см его статью в кн.: «Вопросы социальной теории»⁵, том 4.) Скорее, их единство стилистическое — матрица национальной идентичности (как и любая другая) может быть сколь угодно противоречива, архаична, нелепа здесь и сейчас, может не иметь ничего общего ни с историей, ни с культурой, и с реальными интересами, как раньше говорили, и чаяниями людей. Ну и что же? «Мы — Русские, Россия вперед!» объединяет всех — и футбольных фанатов, и домохозяйек, выращивающих кактусы, и политиков, и самых принципиальных подпевал любым дуновениям политического ветерка — журналистов. Совершенно ясно, что русские — хорошие, а остальные — понаехали тут. Но вот качество «хорошие» — пусто. Нет никаких требований, условий и даже критериев «хорошести». Побить морду полякам на чемпионате по футболу — хорошо. Отдохнуть культурно на лоне природы, изувечив это лоно отходами отдыха — нормально. Ну, не будем дальше... Главное — причастность, общность, а ее условность, эфемерность категорически отрицается. Как, ты не за наших? Получай!

Иными словами, кассета строит себя так, чтобы ее легко было принять, без дополнительных условий и инструкций. Своего рода аутопоэсис сознания. Но строгость матрицы не означает, что я обязан хранить ей верность. Как только она становится неудобной по каким-то причинам, я могу ее преспокойно сунуть в карман и достать другую. Тот же самый патриотизм в две секунды может превратиться в вероподданический восторг перед ликом власти, как у «нашистов», или в фундаменталистский ригоризм блюстителей православия. Вот в свободной смене этих казалось бы базовых структур сознания и заключается весь фокус. Почему она стала повсеместной, приемлемой, почему, несмотря на очевидные «негативные последствия», она прижилась в массовом сознании как норма?

⁵ Грицанов А.А. Человек и его идентичность в современной культурологии // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Глостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010.

Ответ: потому что сломались старые социальные структуры и возникают новые. Но этот ответ тавтологичен. А почему возникает именно то, что возникает? В кризисе ли идентичности тут дело, или в кризисе того, на почве чего вырастает феномен идентичности, то есть в основании эволюций и метаморфоз сознания? Так что, надо вернуться к схеме «бытие определяет сознание»? В каком-то смысле — да, думаю, что да. Только — при условии понимания бытия как полноты разумной и вообще духовной жизни.

Самодостаточность, независимость матриц от пространства и времени хорошо видно на примере генерационной преемственности: молодежная (вообще возрастная) субкультура имеет особенность — она простирается шире и дольше, чем рамки поколений. Мы видим седых хиппи, старых байкеров, шестидесятилетних «молодух», — людей, не согласных принять адекватные поведенческие манеры, соответствующие изменившемуся положению вещей. То есть матрица, раз принятая, сохраняется даже в таких карикатурных формах и видах.

Потребность человека отделить себя от других, обозначить свою самость, самобытность, своеобразие, так же естественна и необходима, как и потребность в принадлежности к ..., в общности, единстве, отождествлении себя с чем-то или кем-то. Это фундаментальные струны «Я», души, личности — все равно, как называть. (Например, *idem* и *ipse* П. Рикёра.) И если с ними происходит что-то необычное и пугающее — значит это симптом тектонических сдвигов на уровне фундаментальных оснований самосознания. Не думаю, что изменения целиком зависят от эволюции нейрофизиологической природы — хотя они, говорят, есть и скоро приобретут громадное ускорение за счет вмешательства новых биомедицинских технологий. Большая часть изменений связана скорее с «бытием», то есть социокультурными сдвигами и в том, как из-за них меняется место индивида в сообществе себе подобных.

9. За каждым закреплено *право самому принимать* или отвергать эти правила, komponовать их как вздумается, поэтому при всей внешней самостоятельности и самодостаточности человек внутренне ватный, без структуры и без собственного стрежня. Раз нет общей «философии», значит она у каждого своя, и нет критериев сравнения — чья лучше или хуже. Нормативные системы никто не отменял. Но они совсем другой природы, хотя и складываются вроде как и

раньше — спонтанно, в определенной социальной среде, получают символические и ментальные воплощения, закрепляются механизмами социальной преемственности. Но — все равно другие. Опять воспроизводится разница между самим сознанием и его производством (о котором мы говорили в начале как о разнице между мышлением и сознанием). Причем другие потому, что и спонтанность, и социальность, и воплощения, и закрепления — устроены иначе.

Как?

Ну, вот спонтанность. Она стала производиться огромными партиями и продаваться не хуже унификации. Помню, как удивляли нас поначалу магазинчики для хиппи, с поношенным и очень оригинальным тряпьем, совершенно ни на что не похожим. Сейчас их полно, тебе предлагают сотни вариантов твоей собственной оригинальности. Больше того, глянцево-журнальные уже позаботились о твоём выборе, сформировали твою «спонтанность» самым невинным образом — смотри, какие образцы спонтанности демонстрируют «специально обученные люди» — звезды шоу-бизнеса. Иными словами, индетерминизм поведения уже разлит по стандартным бутылочкам и продается на каждом углу.

Или социальность. Мне кажется, что в ней доминируют чистые интенции, без конечных адресатов. То есть «человек» испытывает нужду (и демонстрирует ее) в принадлежности к какому-то кругу, но все равно — к какому. Лишь бы записаться. Как раньше сломя голову люди мчались в очередь за «дефицитом», а за каким — неважно. Слегка утрируя, скажу, что перемена социальной ориентации, ролевых наборов стала делом необременительным, облегченным до изумления. Привязанность без обязанностей — хорошая формула для описания теперь уже не только марьяжных отношений. Молодежный пророк В. Цой требовал перемен, но реальные перемены сыграли злую шутку с условиями «социального контракта». Готовность к переменам — это значит их неприятие, поскольку они сулят новые состояния стабильности.

Попытки создать «объединенную идеологию» — патриотизм, православие, государственность — такой же симулякр, как и «партийная совесть», «забота власти и благе трудящегося человека» и

т.п. Но свято место пусто не бывает — если буксует выдуманная идеология, то вполне успешно работает практическая, привнесенная из специфической среды правоохранительных внутренних органов: разделение на «мы» и «они», а между этими субъектами — решетка. Своим можно все, а им нельзя ничего. Социализм охранялся изнутри и снаружи. Изнутри — милицией, которая поддерживала игру в рамках правил, то есть «социалистической законности». А снаружи — КГБ, вне каких-либо рамок, пользуясь формулами романтического большевизма — благо революции (а ее новое социальное содержание уже не вызывает сомнений) — высший закон. Вот эта идеология и торжествует теперь и внутри, и снаружи. Полиция, как и суды, как и пресса, как и «выбранные органы» — находятся по одну сторону решетки с хозяевами жизни, а общество — по другую. И пропуска выдаются на проходной, очень просто устроенной — свои проходят, чужие — в сторону. Еще раз можно убедиться в правоте тривиального вывода: новое приходит с улыбкой, а встречается со слезами.

10. Очевидная дилемма сегодняшнего дня

Человек, размышляющий о своем выборе, своем пути, своем самочувствии, должен всегда иметь в виду доминанту своей подчиненности, подконтрольности завтрашним капризам судьбы. А точнее говоря — произволу власти. Или принять участие в игре в лояльность, и ловить на лету крошки со стола, или замкнуться в партикулярность, эскапизм, строить свою жизнь вне и независимо от «успешной социальности».

Вот эту альтернативу и пытаются разрушить протестные движения: речь идет о свободе не только слов, но и поступков, не только мысли, но и осмысления, не только вероисповедания, но и совести. И главное — о свободе социально-политической, с встроенными механизмами плодотворной социальной активности, то есть о свободе выбора в глобальном смысле слова. Именно в этом смысле апофатического лозунга «Россия без Путина» — дело не в Путине или Медведеве, не в Чубайсе или Гайдаре, а в выборе открытого общества, со всеми его — пока еще не совсем ясными — импликациями. Этот выбор обозначен, и судя по репрессиям власти, обозначен правильно.

Список литературы:

1. Андреев И.Л. Ритуальный уход из жизни как моральный выбор // Психология и психотехника. 2013. № 1. С. 35-51.

2. Грицанов А.А. Человек и его идентичность в современной культурологии // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010.
3. Грушин Б.А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.
4. Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1995.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. с дат. М.: Республика, 1993.
6. Пархоменко Т.А. Прелюдия сталинской эпохи: борьба за власть и выбор вождя в 1922-1925 годах // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 168-180.
7. Философия, психология и педагогика Ф.Т. Михайлова / сост., предисл. Л.К. Арсенкиина, А.А. Воронин, А.Ф. Михайлова. М.: Индрик, 2009.

References (transliteration):

1. Andreev I.L. Ritual'nyy uhod iz zhizni kak moral'nyy vybor // Psihologiya i psihotehnika. 2013. № 1. С. 35-51.
2. Gricanov A.A. Chelovek i ego identichnost' v sovremennoy kul'turologi // Voprosy social'noy teorii: Nauchnyy al'manah. 2010. Tom IV. Chelovek v poiskah identichnosti / pod red. Yu.M. Reznika i M.V. Tlostanovoy. M.: Associaciya «Mezhdisciplinarnoe obschestvo social'noy teorii», 2010.
3. Grushin B.A. Massovoe soznanie. M.: Politizdat, 1987.
4. Kant I. Soch.: V 6 t. M., 1995.
5. K'erkegor S. Strah i trepet / Per. s dat. M.: Respublika, 1993.
6. Parhomenko T.A. Prelyudiya stalinskoy epohi: bor'ba za vlast' i vybor vozhdy v 1922-1925 godah // Ist-toricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2013. № 2. С. 168-180.
7. Filosofiya, psihologiya i pedagogika F.T. Mihaylova / sost., predisl. L.K. Arsenkiina, A.A. Voronin, A.F. Mihaylova. M.: Indrik, 2009.